

ведена версия позднейших летописей, одну из которых автор несправедливо считает «древней», а также мнения Стрыйковского, Барония и др. Сам автор «Синописа» полагал «по счислению лет», что «венец царский с прочими знамением и дарами» Владимир Мономах получил от Алексея Комнина. Об этом, заметим, рассуждала также и Густынская летопись.⁴⁷

Для автора «Синописа» еще нет различия между источником и литературой вопроса. Поэтому древняя русская летопись, Стрыйковский или Бароний в равной степени являлись для него источником исторической информации. Где русские летописи молчат, там он охотно возвращался к Стрыйковскому: к примеру, «Синописис» заимствовал сообщение о русских князьях, бывших у славян после смерти Кия, Щека и Хорива. Нужно сказать, к чести Стрыйковского и автора «Синописа», что, хотя это известие и не подтверждается летописями, но оно и не противоречит исторической достоверности. Убеждение о древности истории славян, начавшейся задолго до варяжских князей, нашло выражение в этом смелом предположении. Догадка авторов XVI—XVII вв., которую многие объявляли бреднями средневековых хронистов, не отрицается наукой нашего времени.

Для того чтобы ответить на вопрос, что собой представляет «Синописис» в историографическом смысле, необходимо продолжить сравнение его с «Хроникой» М. Стрыйковского. Обращает внимание то, что Стрыйковский часто ближе и последовательнее в изложении к русским летописям, чем «Синописис». В этом нет ничего удивительного. Автор последнего не пытался копировать польскую хронику или перевести русские летописи на современный язык. Он пользовался Стрыйковским и летописями с целью обеспечить такой подбор исторических фактов, который нужен для обоснования необходимости воссоединения двух славянских народов. Для этого автор «Синописа» развивает идею исторической преемственности самодержавной власти в России, усиливая ее по сравнению с летописями московской поры (общерусскими летописными сводами) и Стрыйковским. Так, например, в «Хронике» Аскольд и Дир — потомки Кия — правят на юге. В «Синописисе» сложнее. Как и в летописи, Аскольд и Дир идут из Новгорода на юг с согласия Рюрика. Но автор «Синописа» тенденциозно скомпилировал известия Стрыйковского и Повести временных лет, в результате чего Аскольд и Дир, хотя и потомки Кия, но пришли в Киев с севера, с согласия Рюрика. Сообщение летописи о неудачном походе Аскольда и Дира на Константинополь перенесено в рассказ о походе Олега на Киев. Олег, услышав, «яко Оскольд и Дир, ходившие к Царю граду войною, возвратились в Киев посрамленны в малой дружине», отправился на юг, и т. д., как обычно.⁴⁸ Таким образом, поражение киевских князей явилось для «Синописа» еще одним доводом в пользу «законной» династии Рюриковичей.

В понимании легенды о призвании варяжских князей «Синописис» шел за Стрыйковским, который в свою очередь следовал позднейшим русским летописям. Если первым норманистом, как заметил А. А. Шахматов, был Нестор, то первыми, пусть еще робкими и непоследовательными, критиками норманизма явились московские летописцы. Мысль о стародавних славянских князьях, возникшая в начале русского летописания,⁴⁹ была

⁴⁷ «Синописис», стр. 99—103; ПСРЛ, т. II, стр. 290.

⁴⁸ «Синописис», стр. 28; ср.: Стрыйковский, стр. 115, где это только намечено.

⁴⁹ Б. А. Рыбаков. Начало Русского государства. — Вестник МГУ, 1955, № 4—5, стр. 57—77. Автор этой интересной работы убедительно показал ту борьбу, которая происходила на заре нашего летописания между отечественной и «норманской» тенденциями в вопросе об образовании древнерусского государства.